ДЕКАБРЬ 1927 № 48 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

Рис. И. Малютина

ПЕССИМИСТКА: — Эх, жисть! Трамваи — и те в очереди стоят!..

Рис. А. Радакова

„СОЛНЦЕ ВСХОДИТ И ЗАХОДИТ...“

РЕЦЕНЗЕНТ ПРЫЩИК

Очкам на носу рецензента Прыщика поручено намекать об учености обладателя этого носа. На толстовку возложена обязанность свидетельствовать о чистоте идеологии. Надувшийся кожаный портфель усердно символизирует большую нагрузку рецензента Прыщика.

Наш герой еще молод, но достаточно опытен. По мере надобности он бывает низкого или высокого роста. Придя в редакцию, он делается очень маленьким, не выше табурета. Когда же он разговаривает с актерами, он чувствует себя высоким, не ниже 16-го разряда тарифной сетки.

Наш герой имеет маленькую склонность... к алкоголю? — Нет, к психоанализу. Он любит читать в чужой душе. Другим чтением (собственные статейки не в счет) он не занимается. Он знает каждого редактора насквозь. Он знает, какая цитата кому по душе.

В „Рампе“ гонятся за цитатами из Энгельса. Наоборот, плехановские цитаты, как замечено, любят печататься в „Мире искусств“. „Красному цирку“ подавай цитаты из Маркса. У тов. Прыщика цитаты из всех вышеупомянутых классиков марксизма четким почерком вписаны в записную книжечку.

Как, каким образом, какими тайными и неведомыми путями добыл он эти цитаты? Легче ответить на вопрос — как разбогател Рокфеллер. Но у нас имеются все основания предполагать, что и здесь не обошлось без Госиздата. Это он, Госиздат, выпускает в свет календари, где на ряду с порцией имен на каждый день подаются изречения великих людей.

Но иногда на смену ушедшим в редакцию приходят новые люди, новые редакторы и замы. И тогда бедный Прыщик переживает большие муки: как к ним подойти, какой цитатой ошпарить, чем удивить? Изучение рынков сбыта — дело нелегкое.

После этого краткого ознакомления с замечательной личностью рецензента Прыщика, пройдемся вслед за ним по редакциям и посмотрим, как он работает.

* * *

В редакции „Театрального Вестника“.

— Здравствуйте, Сергей Митрофанович! Надеюсь, можно к вам.

— Вы по какому делу, товарищ?

— Здравствуйте, Сергей Митрофанович! Как вы поправились за последнее время! „В здоровом теле — здоровый дух“, как изволил однажды выразиться старик Гегель.

— Извиняюсь, товарищ. Как ваша фамилия?

— Вы еще не знаете? — Прыщик. Один из первых беспартийных марксистов-критиков. Через неделю выступаю в Академии искусств с докладом „Трамвайная линия „А“ в литературе попутчиков“.

— Вы нам принесли какую-нибудь рукопись?

— Да, Сергей Митрофанович! Небольшую — строк в двести — рецензию о спектакле „Пурга“. Одно безобразие. Вы себе представляете? Театр Корша, у меня место в двенадцатом ряду, а на сцене какие-то развалины, ветер воет даже в антрактах, пурга, тунгусы. Откуда-то прибегают в развалившуюся хижину два представителя господствующего класса и один большевик. И, представьте себе, большевик носит за поясом топор и ни одной брошюры, ни одной газеты!

— Не подойдет, товарищ Чирий.

— Виноват, я — Прыщик.

— Товарищ Прыщик. Нам действительно нужен классовый подход при оценке произведений искусства. Но совсем не то, что вы нам написали. Надо серьезнее...

— Серьезнее? Хорошо, Сергей Митрофанович. Я переделаю. До свиданья, Сергей Митрофанович. Я долго не задержу у себя рукопись. Завтра же принесу, Сергей Митрофанович! Как вы хорошо выглядите, Сергей Митрофанович! Вы так теперь похожи на Плеханова в период расцвета его таланта.

* * *

— Здравствуйте, здравствуйте, Иван Григорьевич. Могу себе представить, как вы сердитесь на меня! Я про вашу газету все-таки не забыл. Но я так занят — меня редакции прямо разрывают на части. Написал я для вас большую статью о „Бронепоезде“. Не могу молчать! — мог бы сказать по этому поводу Карл Маркс в первом томе „Капитала“. Вы понимаете — на сцене самая открытая партизанщина. Ни одного революционного плаката. О займе индустриализации — ни слова. О новом быте, о новых людских отношениях — ни намека. Такой тягучий и нудный спектакль, что многие из публики плакали. Снижение цен в буфете проведено не полностью. У вешалки толкотня. Куда смотрит Главрепертком? Куда он смотрит, я вас спрашиваю? Доколе МХАТ'ы будут затемнять наше сознание?

— Перестаньте говорить. То, что вы, тов. Прыщик, написали — не статья, а галиматья. Нам такая „марксистская“ критика не нужна.

— Не нужна? Так я переделаю. Завтра же принесу. До свиданья, Иван Григорьевич. Очень рад, что мы договорились.

* * *

К вечеру усталый и осунувшийся Прыщик прибежал в редакцию журнала „Крой и — никаких!“

Его встретили радостно. Здесь он был свой человек. А главное — здесь были уверены, что Прыщик печатается только у них. Ведь за последний год ни одной его строчки не было в другом печатном органе.

— Мое почтение, тов. Прыщик! Принесли что-нибудь?

— Принес, принес. Сколько редакций сегодня умоляли меня: напишите что-нибудь. Нет, говорю, я уж в одном месте буду печататься. Принес восемь рецензий. Всех крою! Всех! Кстати, когда гонорар выдают?

Г. Рыклин

Рис. Н. Радлова

Решение двухходовки.

ПИСЬМО ГРИГОРИЯ РУЧКО ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

„1927 года, Москва, Кремль, самосрочно, весьма секретно. Дорогой Демьян Бедный. Просим Вас с горючей слезою. Делаются чудеса уже целый год в селе Седюхи Черкасского округа, под самым Киевом появилась тайная монахиня, называет себя великой княгиней Екатериной, теткой царя Николая Романова. Она проживает у гражданки Соломии Перехватовой или укрывается в селе Дялевка у Печенко. Везде она ходит по селам и об'являет скоро конец советской власти, она погибели обречена и что уже нет ни хлеба в Москве, ни соли и скоро не будет и воды.

Эта монахиня собирает целые возы продуктов на генеральских вдов и офицерских сирот и на старых попов в Киев в Китаевский монастырь.

Муку, крупу, мед, воск, полотно, готовое белье. Она имела такой недавно случай в селе Седюхи: при помощи местного попа о. Павла и Соломии Перехватовой собрали 147 пудов разных продуктов и погрузили на подводы и на станции отправили тихонько. Это дело возбудили граждане и подали на отца Павла в народный суд. Но слабо. Боятся анафемы матушки княгини тетки царя Николая Романова. А тетка неуловимая: и тут и там и здесь и кругом. Она имеет три имя: Екатерина, Людмила, еще Анна. А хитра, как змей летучий. Около имеется целый штаб мироносиц баб и стариков и даже молодых, каковые несознательные по опиуму для народа. Она им командует и приказует. День и ночь несут и везут.

То тихонько отправляет, окаянная матушка княгиня, тетка царя Николая Романова, в монастырь киевский в Китаев к епископу соблазнителю Антонию и к отчаянным тем монахам. А епископ Антоний ей дает благословение и разное раз-разное контр-революционное поручение. И удостоверение по формам, чтоб ездить, по сбору продуктов. Но это мало. Два месяца назад монахиня, княгиня Екатерина, получила груз на станции Киев из города Проскурова, четыре ящика. Сверху надпись: „Осторожно, стекло", и это все было ночью спрятано в Китаевской обители и зарыто в землю. Но зачем же стекло хоронить в землю и почему от ящиков пахло смазочным маслом? И матушка-монашка около них хлопотала очень, а ящики были тяжелые не по стекольному.

По ночам в той обители собаки лают, и люди гомозятся. Она, матушка монашка, много кой-чего знает. Три года назад она перевезла из св. лавры сундук с церковными вещами: чаши, панагии, кресты, лампады, венцы, золотые и серебряные митры. В саду было спрятано, за кухней и за алтарем церкви и в правом столбе замуровано целое ведро с бриллиантами, и золотом, и алмазами. А когда спросили монашку Екатерину: что делаешь?—она ответ дала: лечу от икотки и лихорадки. Это тайна, а живет она временно в монастыре, а больше в селе Седюхи Черкасского округа у Соломии Перехватовой и в селе Дялевка у Марии Печенко. Они ее скрывают от лица змия, от антихриста. А наша местная сельская власть спит богатырским сном, она не видит. Но лютая княгиня не спит и работает во славу божию.

Тетка Екатерина ходит... нет, она не ходит: ее возят и руки целуют и ноги, и преклоняются, и уже ветер мысли ходит за нею. Нужно в корне это уничтожить, как это можно сделать? Ее особые приметы: росту среднего, лицо круглое, глаза серые, быстрые, походка легкая, в разговоре мягка и повадливая, лет от роду за сорок, на лице моложава, лицо прячет черным платком, на голове носит глубокий и длинный шрам, имеет при себе дамский малого калибра браунинг и порошок яду.

Она ловкая и быстрая в движении и неутомимая. Ее возят из села в село днем и ночью и во всякую погоду, а главный притон ее село Седюхи и село Байбан и еще ее приют—это село Маймуз, еще ее гнездо у церковного старосты, а главная база Китаев монастырь. Демьян, наша к тебе требования: распатронь пером колючим всю эту категорию, и чтоб расковырять, и пусти разные подробности, чтоб кровь от крови отлилась.

Писал бывший красноармеец и свидетель происходячего Григорий Ручко".

*
* *

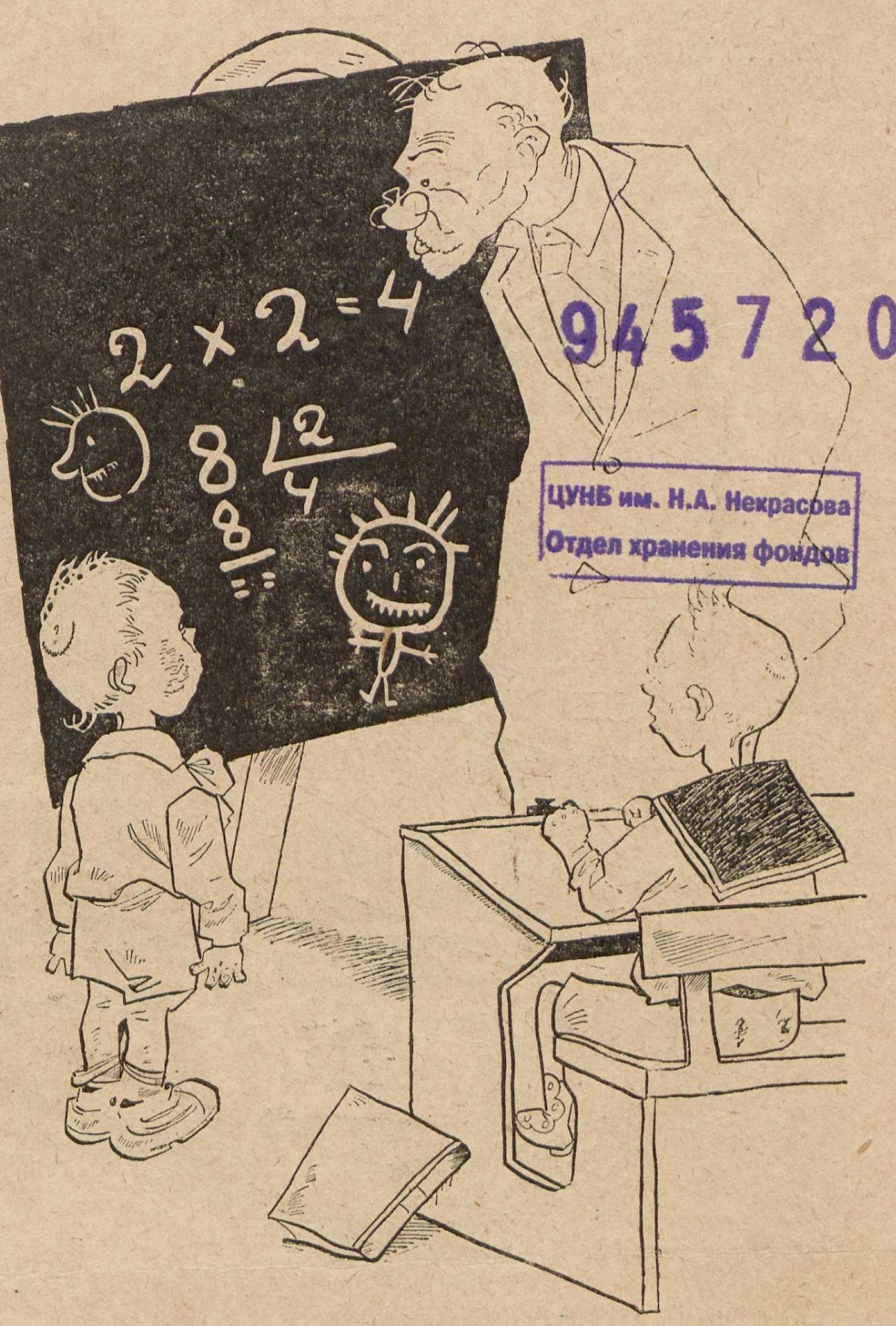
Демьян наклеил на конверт адрес: „Харьков, Г. П. У."

Письмо Григория Ручко свершило треугольную петлю — Седюхи, Москва, Харьков, Седюхи. И... петли матушки монахини Екатерины пресеклись.

Сообщил *А. Ефремин*

ПРИШЛЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Рис. Ю. Ганфа

УЧИТЕЛЬ: — Некто купил 25 аршин синей материи и потом продал ее по частям.

УЧЕНИК: — Вот странно... А мой папа покупает материю по частям, а потом продает ее сразу.

ЯСНАЯ ПРИЧИНА

Твой смех прозвучал серебристый,
Нежней, чем серебряный звон...
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.

Нежнее, чем блеск водоема,
Где слитное пение струй...
Чем песня, что с детства знакома,
Чем первый любви поцелуй...

О, ты мне ответила дельно:
— Смеюсь я! Неведом мне плач...
Товарищ! Я еженедельно
Теперь получаю „Смехач"!

(Цена за один месяц с бесплатным приложением 60 коп., для подписч. „ГУДКА"—50 коп.)

РАЦИОНАЛИЗИРОВАННАЯ ПРИЕМНАЯ

Рис. И. Малютина

ЗАВЕДУЮЩИЙ: — Что вам угодно?
ПОСЕТИТЕЛЬ: — Мм .. ммм... Который час по вашим?

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Со щеки слеза скатилася
И упала на жилет,
Со жилета она скатилася
И упала на живот и т. д.
Песня.

Председатель треста на своем автомобиле довез директора до его учреждения.

По дороге председатель треста рассказал директору анекдот и на прощанье, пожимая крепко руку, сказал:

— Вы бы как-нибудь выбрались ко мне вечерком, с жинкой.

Все это на директора так подействовало, что он почувствовал себя на десять лет моложе. Все это на него так подействовало, что вошедшего к нему в кабинет коммерческого директора он встретил размашистым и широким:

— А-а, здорово, братец! Как живешь? Что новенького? С докладом? Отложим до завтра. Яблочко хотите?

Директор вытащил один из ящиков бюро и подал большое красное яблоко:

— Ехал я только что с нашим председателем треста,— замечательный парень. Умница. Кстати, заехали бы вы как-нибудь ко мне вечерком с жинкой. Поболтали-б, то да се...

Все это на коммерческого директора так подействовало, что он почувствовал, как какая-то теплая радостная волна хлынула к его зеленому галстуку с белыми дробинками и сладким комом застряла там, где запонка упирается в кадык.

И вошедшего бухгалтера с синими папками он встретил, как возлюбленную.

— Здравствуйте, родной, здравствуйте! Опять с цифрами! Давайте отложим до завтра. Хотите сигаретту? Один приятель из Китая привез. Ну, как вообще живется-можется? Между прочим, завернули-б как-нибудь вечерком с супружницей. У меня народ бывает. Сыграли-б в покерулю...

И на старика бухгалтера все это так подействовало, что, проходя мимо стола старшего счетовода, он остановился, глянул на него как-то по-человечески и пропел:

— А вы что-то батенька, того, совсем осунулись. Это не тае, не тае... Кстати, вы бы как-нибудь вечерком заглянули-б со своей жинкой в наши края. Чайку попили-б...

Старший счетовод, насвистывая что-то веселое, подошел к делопроизводителю, хлопнул его по плечу и спросил:

— Ну, как жизнь молодая? На тебе мятную конфетку. Полезно. Освежает. Забежал бы как-нибудь в наши трущобы со своей красавицей. В шахматы сыгранули-б.

Делопроизводитель говорил регистратору:

— Кури, пожалуйста, кури... Да стой, не убегай. Куда ты все торопишься? Успеет. Садись. Зашел бы как-нибудь ко мне, побаловались бы в шашки... Пра-а. И жену тащи с собой...

Курьер, когда пришел домой, ласково спросил у жены:

— Ну, как, старушка, себя чувствуешь? Надо-б нам с тобой обязательно в кинематошку собраться и чего-нибудь тебе из одежи справить.

Таких нежных слов она не слыхала со второго дня своего замужества, лет двенадцать тому назад, а может быть и больше. И это на нее так подействовало, что слезы величиной с горох брызнули в горшок со щами. И когда она оттуда вытаскивала мясо, то бросила большой кусок мяукающей под столом кошке.

Кошка облизывалась и не знала, дура, что виновник ее счастья — такая же кошка, как она.

Только не рыжая, а белая, пушистая, которую получил в этот день председатель треста в подарок от директора.

Б. Левин

БУРИДАНОВ ОСЕЛ

Дело было около кассы магазина в один из тех дней, когда поступает сезонный товар. Пока я подобрался к самому окошечку кассы, сзади меня успела вырасти многоверстная лента людей, ненавидевших меня по закону геометрической прогрессии: стоявшие подле меня, ненавидели самую чуточку, а стоявшие в самом конце ее едва вмещали в себя так и распиравшую их лютую ненависть к человеку, уже кончающему свой многотрудный магазинный путь.

— Сколько?—спросила меня кассирша и уже положила пальцы на клавиши автомата.

И в эту самую секунду у меня свет померк перед глазами и мучительно засосало под ложечкой.

— Увы! О, увы, увы!

Магазин был самым обыкновенным магазином и, следовательно, в нем на двух покупателей приходилось три жулика. Ежедневно в этот трагический магазин налетали ловцы жуликов и вылавливали их чуть ли не сотнями пудов. Естественно, что отправляясь в этот магазин я прежде всего позаботился о том, чтобы в то время, когда я буду стиснут лавиной человеческих тел, меня не ограбили любители всего, что плохо лежит. Я рассуждал очень просто: пока я буду стоять в очереди около кассы, то-есть там, где уже нету каши из людей, я незаметно извлеку из сокровенных уголков запрятанные червонцы и спокойно расплачусь с кассой.

Увы! Я вспомнил об этом слишком поздно!

— Сорок три рубля!— пролепетал я и изловчившись, стоя на одной ноге, расшнуровал и снял с другой ноги ботинок. Конечно, я погорячился и снял не тот ботинок.

— Скорее,— напомнила кассирша.

— Сию секундочку! Сию! Сию! Одно мгновение!

Пришлось порвать шнурок, сорвать ботинок так, что затрещали крючки, и один червонец лег на доску окошечка.

— С вас же сорок три рубля!

— О, сейчас, сейчас!

Я изогнулся, как змея, просунул руку за жилетку и в укромном уголке на спине нащупал то, что надо. Рванул, услышал, как порвалась сверху до низу рубашка, но зато положил перед кассиршей еще один червонец.

— Дальше!

— Скорее! — стала нажимать очередь.—Что он копается?

— Одно мгновение! Умоляю вас!— обратился я к кассирше,— опустите ваши глаза, мне необходимо... Умоляю вас не оскорбляться... Мне необходимо расстегнуть и спустить до колен... эти самые... Будьте любезны!— заискивающе попросил я ближайшего соседа,— прикройте вашим пальто мою наготу.

— Это что еще?—закричала кассирша.— Обалдеть можно! Милиционера! Позовите милиционера!

—Большего безобразия не было от создания мира,—рявкнул сосед, у которого я просил помощи.— Это можно сделать в стороне.

— Да как же я отойду, если я лишусь очереди?—застонал я, лихорадочно работая руками.

— Пожалуйста!—воскликнул я, кладя уже третий червонец, но в этот момент на мое плечо легла рука милиционера.

— Тряхните меня! Тряхните посильнее!— обрадовался я.

— Идем — заревел он, но тряхнул и у меня из рукава высыпались две последние бумажки, червонец и трешка.

— Последние тринадцать,— перекричал его я, бросая деньги на окошечко и, зажав в руке обратный чек кассы, освободил очередь, ненавидимый и презираемый всем миром.

Пока милиционер составлял протокол, я почувствовал, что моим ногам холодно. Но поправить несчастья не удалось,— ботинки, забытые мною около кассы, конечно, были украдены.

Но, согласитесь сами, — протокол и старые ботинки это много дешевле, чем те сорок три рубля, которые у меня непременно украли бы, если бы я не предпринял особых мер для сохранения их.

Евграф Дольский

МЕРТВЕЦКОЕ УПЛОТНЕНИЕ

(Обывательские страхи)

МКХ начинает общественные работы по приведению в порядок Пятницкого кладбища. В связи с этим населению предложено перерегистрировать могилы родственников.

1.

Вот ведь, Амфилой Синкритыч, ужасти-то какие мне сегодня сказывала Фетинья Никитишна: будто упокойникам убавление площади вышло. И будут их, сердешных, в одну могилу в три да в четыре этажа закапывать. И будто, как зауплотнят всех,— так и свету конец.

— Насчет конца свету не знаю, а уплотнять будут, потому курс зем-политики такой нонеча. На худой конец лучше бы разрешили самоуплотниться покойничку, а то чорт знает, кого вселят.

— А как же, ежели, к примеру, в одну могилу четырех положат,—четыре креста ставить будут?

— Не может быть, потому режим экономии. Один поставят коммунальный. А на нем доску, в роде списка квартирантов,— по этажам...

— И звонить кому сколько раз...

2.

Всю ночь мужу и жене снилось кладбище. А на крестах и памятниках — надписи:

— В'езд воспрещен по постановлению могилкома.

— Налог уплачен. Квит. МФО БЖ № 0.066.666.

— Имеется право на дополнительную площадь от Кубу.

— Свободной площади нет. Управмогил Ив. Гробов.

Утром оба обалдело вскочили и помчались на кладбище искать могильного управдома.

Гулик

ДЕФЕКТИВНЫЙ РЕБЕНОК

Рис. Б. Антоновского

— **Мама, разве собака после смерти кусается?**

— **Нет, деточка.**

— **Почему же колбаса так дорого стоит?**

Рис. М. Черемных

ЖИЗНЬ-КОПЕЙКА

— Как вы допускаете работу артистов без сетки?
— Почему же без сетки? Они по 17-му разряду сетки получают.

БАБКА

Разыграли бабку случайно.

В девять утра с тихвинским поездом приехала земляная бабка к сыну в город Москву. Сын, встречая, где-то запропастился, и бабка боком, медленно поспешая, стала подаваться к выходу.

По пути увидала будку авто телефона, постояла перед ней, подумала и потом спросила, осененная:

— Чего это, милый, такое? Не часовня ли случаем?

— Часовня, — сказал какой-то озорной носильщик с бляхой на груди.

Бабка с уважением поглядела на его бляху, потом приоткрыла дверцу будки, и на стене перед ней зачернела будто икона.

— Лика-то не разберу. Глаза, ох, глаза...

И хлопотливо спросила:

— А чего свечек-то никто не ставит?

— Здесь нельзя, — серьезно проговорил озорник. — Это тебе не деревня. Насчет пожару неблагополучно. А вот хочешь помолиться, с самим богом поговорить, сыми эту трубку, слушай и говори молитву. А заместо свечки гривенник потом в эту дырочку спусти. Поняла?

— Поняла, родимый, поняла, — проговорила бабка и зашла в будку помолиться о благополучном прибытии и всяких других разностях. Она приложилась к аппарату и боязно взялась за трубку.

— Го-осподи! Неужли с самим богом говорить можно?

Руки у ней тряслись, она поднатужилась, сняла трубку, приставила ее к уху и сказала, глядя старыми глазами на икону:

— Вспомяни, господи, рабу Дарью, раба Михаила, Ивана, а также болярина Федо...

— Говорите, гражданка, разборчивее, — послышался женский голос в трубку.

Бабка испуганно обронила трубку, закрестилась и внутренне срамила себя.

— Говорите, грит, разборчивее... Андельский глас-то... А я-то и заскакала дура. Обрадовалась! За гривну-то все обсказать захотела. Разластилась, завидущая! Прости мене, темную, господи. Прости и сохрани.

Она достала гривенник, нашарила в автомате дырку, сунула в нее монетку и, чмокнув холодную жесть телефона, с просветленным лицом вышла из будки.

Вл. Тоболяков

НАДЕЖДЫ СБЫВАЮТСЯ

— Читали, Петр Аркадьевич? Английский пароход „Черный Принц“ будет поднят через 2 месяца. Там на 5 миллионов долларов!

— Я же всегда говорил, что иностранная валюта подымается.

НАРПИТАТЕЛЬНО

— Почему эта столовая называется образцовой?

— А здесь вместо кушаний дают образчики их!

МОРОЗ ПО КОЖЕ

Рис. Б. Антоновского

ОНА: — Второй день снег идет. Этак он все покроет.
ОН: — Все, кроме моей растраты!

СЛАВНЫЙ СТАРИКАН

I.

Окруженный группой служилой молодежи, на диванчике, предназначенном для троих пассажиров, сидел невысокий человек с седыми, слегка закрученными усами, очень похожий на известного циркового артиста Владимира Дурова. Рядом с седеньким человеком на диванчике сидел непроницаемого вида бородатый сумрачный гражданин с набухшим портфелем в больших золотых очках; остальную площадь занимал рассказчик. Дамы, которые, очевидно, досадовали на беспечное веселье молодежи и на старикана, державшего себя до непристойности весело для своих лет,— старались не слушать его рассказы, делали вид, что они заняты своими мыслями, отвертывались в сторону, но... все-таки слушали, и очень часто непрошенная улыбка появлялась у них на подкрашенных губах.

II.

За две станции до Москвы в поезд вскочил ревизор. Старикан, накурившись вдоволь, рассказывал все новые и новые анекдоты, которых у него, повидимому, хватило бы не на такой короткий путь, как этот... Когда подошел ревизор и компостировал проверенные билеты, старикан продолжал невозмутимо рассказывать, весь вагон оглашался веселым смехом: теперь, не щадя своей непроницаемой солидности, смеялся даже и сосед старикана с набухшим портфелем. Довольно часто прыскали и дамы, безнадежно махнув рукою на все свои показные добродетели.

Ревизор тоже задержался на минутку, желая выслушать конец истории, потом, широко улыбаясь, протянул руку к рассказчику:

— Позвольте билетик.

Старикан сделал такую уморительную рожу, что прыснул даже сам ревизор. Но тут же старикан сделал трагическое выражение и спросил с горечью:

— Это что же, товарищ? Неужели вы мне не доверяете? Да неужели ж вы... вы могли подумать, что я... я польщусь на какой то там рубль... рубль, принадлежащий народной казне нашей советской республики?!.. Ах, товарищ, товарищ...

— Простите, — бормотал смущенный ревизор, стараясь не смотреть на старикана, который, казалось, готов был сейчас же расплакаться от нанесенной ему нестерпимой обиды,— простите, я вовсе так не думал... я не хотел вас обидеть... Мне только нужно, по обязанности ревизора, прокомпостировать ваш билет...

— Прокомпостировать!.. Пустая формальность, не больше, как бюрократизм,— говорил старикан плачущим голосом, вытаскивая из кармана огромный носовой платок с красными каемками и поднося его к глазам,— а вот из-за этой пустой формальности честного старого человека, прожившего в полной непорочности всю жизнь... такого вот человека... из бюрократизма...

Человек непроницаемой солидности с набухшим портфелем сердито посмотрел на ревизора и мрачно проговорил:

— Оставьте человека, видите — в слезу вогнали! Я сам видел, что он покупал билет. Чорт с ним, с вашим компостером. Нельзя же издеваться над честными людьми из-за пустой формальности...

— Да я что же,— едва слышно отвечал ревизор, смутившись окончательно и пряча компостер в карман.— Мы сами видим, только обязанность наша такая... Извините пожалуйста. Езжайте, гражданин, успокойтесь!

Но когда дверь за ревизором с шумом захлопнулась, лицо у старикана мгновенно преобразилось, вместо плачущего выражения оно приняло вид самой веселой, беззаботной насмешливости.

— Тюря, вот тюря! — с привизгом хохотал старикан, поджав живот короткими пухлыми ручками.— Да я ж такого и пяти минут на службе не держал бы... Да разве ж так можно?! Ну, и оглобля, ну, и переклад амбарыч... Служака... чудак!..

Через минуту старикан уже завязал разговор с соседями, а еще через минуту все сидевшие и стоявшие поблизости от него весело смеялись, смотря на его тонкое подвижное лицо нежными, восторженными глазами.

— Славный старикан! — сказал мой приятель, посматривая на добродушное, детско-наивное лицо нашего спутника.— Представляю, как любят его в семье...

III.

У трамвая, идущего вглубь Сокольников, к селу Богородскому, длинная очередь.

Мы пропустили уже два битком-набитых трамвая, на третий наша очередь — самая близкая. Когда мы вскочили и заняли места, вагон мгновенно наполнился измученными вспотевшими людьми, кондуктор сгонял пристроившихся на подножке, тут же неподалеку надсадно трещал милиционерский свисток,— в это время мы увидели, как на переднюю площадку спешными подпрыгивающими шагами шмыгнул старикан с своим чемоданчиком,— тот самый, который ехал с нами в поезде. Старикан, не раскрывая, совал в нос вагоновожатому какую-то книжечку в красной обложке, и до нас, сидевших на передней скамейке, доносился его ласково-убеждающий голос:

— Да я же — член!.. Я могу с передней площадки... бесплатно! Как вы можете мне не верить? Ах, товарищ, товарищ!.. Мне сам Калинин, Михал Ваныч, безусловно верит... даже очки свои мне подарил...

Вагоновожатый посмотрел на старикана, виновато улыбнулся и выгнул ладонь по направлению к вагону:

— Пожалуйте!

Старикан вошел в вагон и, воспользовавшись тем, что кто-то из пассажиров поднялся с скамейки, чтобы купить у кондуктора билет, занял его место. Пассажир, увидев, что его место так ловко занято чистеньким старичком с тонким улыбчивым лицом, добродушно усмехнулся и протянул руку к ремешку, за какие держатся едущие стоя.

Звякнул кондукторский звонок, вагон тронулся.

Вагон скользил быстро, минуя остановку за остановкой. Нам нужно было сойти на второй остановке „по требованию“, и я уже приготовился встать, чтобы крикнуть кондуктору, стоявшему в другом конце вагона, чтобы он дал вагоновожатому сигнал к остановке, как старикан вскочил с своего места и дернул шнур кондукторского звонка. Кондуктор, заметив это, быстро протискался вперед и встал перед стариканом в самой грозной позе, готовый сейчас же остановить трамвай и сдать преступника постовому милиционеру.

— Какое вы имеете право нарушать служебный пор док, гражданин?! — хрипел кондуктор на старикана. Старикан стоял и растерянно улыбался своей простодушной, детски-наивной улыбкой.

— Да я ж ничего не нарушал. Я только не хотел вас беспокоить по пустяку, гражданин кондуктор. Что у меня, рука что ли отломится позвонить? Притом же очень далеко кричать, а голос у меня неприятный, с привизгом, могло быть неприятно гражданам-пассажирам... Я очень извиняюсь, ежели обидел чем... По простоте своей живу, многие порядки не суть неизвестны...

Кондуктор уже улыбался, смотря на чистенькое маленькое лицо старикана, которое улыбалось виноватой, растерянной улыбкой.

На остановке трамвай остановился. Старикан, подхватив свой чемоданишко, выскочил, пассажиры руками отдавали ему прощальные приветствия.

— Славный какой старикан! — опять сказал мой приятель.

IV.

Мы шли по тенистой и пустынной просеке... На гладкой, как асфальт, дорожке просеки молодой почтовый чиновник обучал свою жену езде на велосипеде. Жена у него была беленькая, полная, с большими наивными голубыми глазами.

— Да смотри ты хорошенько: надо вот так, привыкай держать равновесие. Тут все дело в равновесии. Следи за рулем, умей управлять им, тогда будешь владеть и равновесием.

Когда мы подходили к ним, женщина слезла с велосипеда и смущенно передала его мужу.

Старикан сосредоточенно рассматривал диковинную машину.

— И как это ты, парень, ухитряешься на двух колесах?!... Такое диво да к нам бы в деревню... Да ей-богу-ж в колдовстве обвинили бы, в знакомстве с нечистым... Честное слово!

Старикан обошел вокруг велосипеда, потрогал колеса, седельце, пощелкал ногтями по спицам.

— Как чисто все сделано! А ну-ка, парень, прокатись еще.

Чиновник опять лихо вскочил на седелко, вернул педали — и понесся быстрее давешнего. Вернувшись, он сказал, переводя дух:

— Только и всего.

— Ну, и диво! — восторженно сказал старикан.— Не разрешите ли, товарищ, попытать... Хоть посижу на нем на старости лет...

— Отчего же, пожалуйста. Только не нажимайте сильно педали назад: может испортиться втулка и вылетят шарики.

— Я — тихонечко...

Чиновник, смеясь, подвел к нему велосипед. Старикан долго, кряхтя, взбирался на седелко, поставил ноги на педали, чиновник несколько сажен провел его по дорожке.

— Ну, я пускаю.

— Пускай, — ответил старикан.

Чиновник пустил. Старикан повихлялся несколько шагов, выписывая восьмерку, потом наладил велосипед на середину дорожки, выровнялся, налег на педали, полы его пальтишка распластались, как крылья птицы, — и через какую-нибудь минуту он скрылся из виду в дали просеки. Чиновник и его жена почуяв недоброе, бежали за своим велосипедом, выкрикивая плачущими голосами:

— Ку-уда?!... Ку-да?!... Вернись, жулик! Назад!...

Вскоре и они исчезли в глубине просеки, а мы с приятелем молча пошли на нашу дачную квартиру. Здесь приятель раскрыл ветхий чемоданишко, который оставил ему старикан. В чемоданишке была солома, в солому для тяжести была завернута половинка кирпича.

— Славный старикан! — сказал я приятелю.

Приятель молча попрятал солому и кирпич в чемодан и так же молча выбросил все это в помойку.

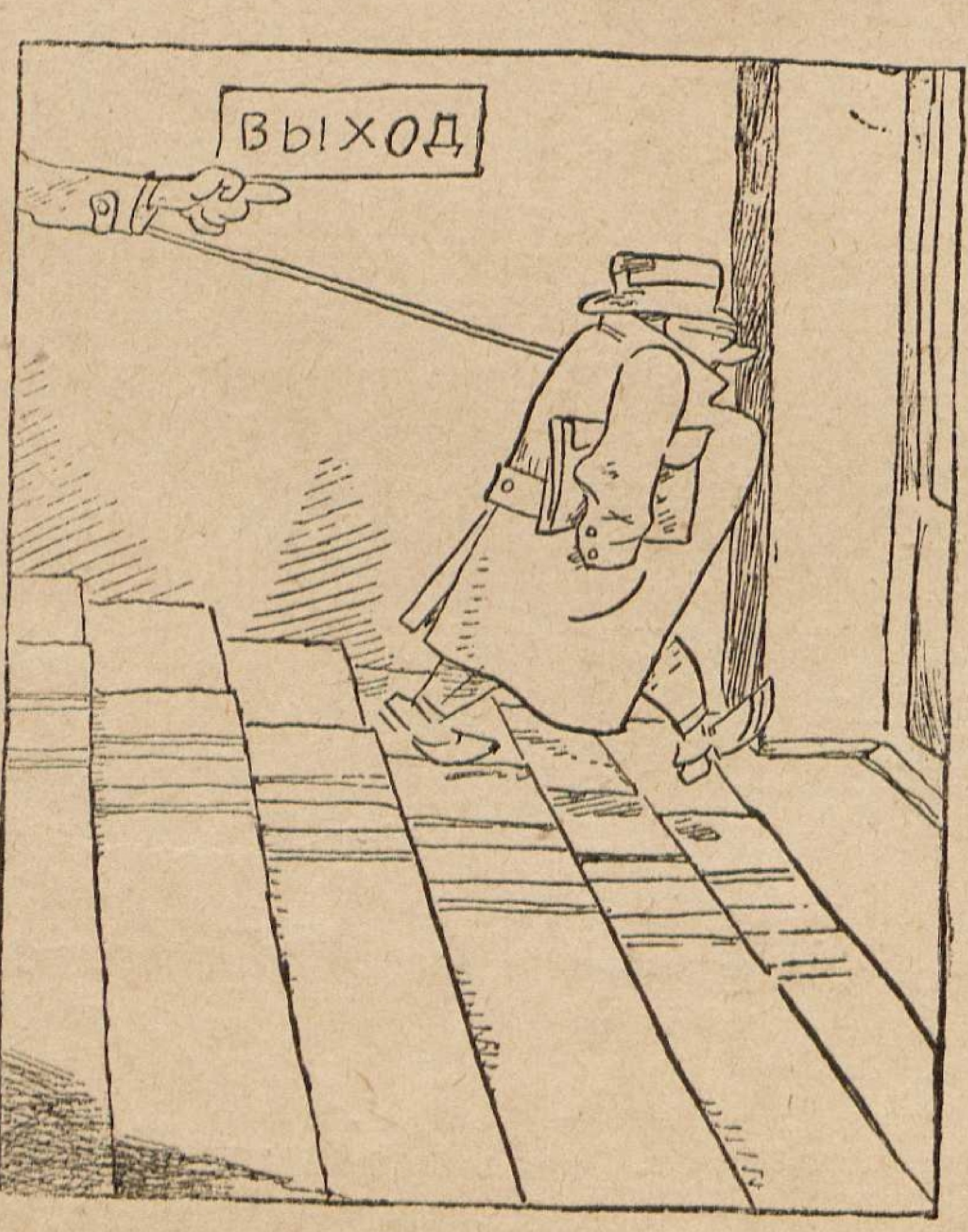
Г. Устинов

НЕ ВСЕ КОТУ „ПОСТ“

Рис. Б. Антоновского

Нет такого положения...

...из которого не было-бы выхода.

КУДА: СОРРЕНТО. ИТАЛИЯ.

КОМУ: А. М. ПЕШКОВУ (Максиму Горькому).

В связи с тридцатипятилетием Вашей прекрасной литературной деятельности, заслужившей всемирную славу и признание, редакция „СМЕХАЧА“ присуждает Вам — чем богаты, тем и рады! — звание

ПОЧЕТНОГО ПОСТОЯННОГО ПОДПИСЧИКА „СМЕХАЧА“

Отныне мы снимаем с Вас, дорогой Алексей Максимович, все заботы по выписке нашего журнала. Мы знаем, что дар наш весьма скромен. Подписная плата на „СМЕХАЧ“ — сущие пустяки:

За год — 6 рублей, за полгода — 3 р. 20 коп. за месяц — 60 коп. (для железнодорожников — 50 коп.).

В 1928 году все подписчики (в том числе и почетные) получат бесплатную премию — двенадцать книжек под общим названием

„СМЕХАЧ НА ДОМУ“

под редакцией ЕВЛАМПИЯ НАДЬКИНА, и при ближайшем участии жены его и друга МАТИЛЬДЫ НАДЬКИНОЙ.

„СМЕХАЧ НА ДОМУ“ (иллюстрированный) явится полезным и необходимым изданием для каждой семьи (подробное описание книжек будет дано особо в ближайшем номере „СМЕХАЧА“.

Мы слышали, дорогой Алексей Максимович, что в скором времени Вы возвращаетесь в СССР. По всему Вашему пути от границы до самого дома в Москве или в Ленинграде, на всех станциях железных дорог, во всех киосках, на всех улицах города, у каждого газетчика Вас будут восторженно и сердечно приветствовать бесчисленные отряды „СМЕХАЧА“, который получил широкое распространение в нашем Союзе, как самый бодрый и веселый журнал сатиры и юмора, печатаемый в нескольких красках и издаваемый при участии лучших писателей, фельетонистов и художников.

Да здравствует почетный постоянный подписчик „Смехача“ — МАКСИМ ГОРЬКИЙ!

Двери в СССР открыты Вам, дорогой Алексей Максимович, так же широко и гостеприимно, как СМЕХАЧЕМ открыта подписка на 1928 год.

ПОСЛЕДНИЙ СНИМОК

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
(К 35-летию его литературной деятельности).

ДВА КРОХОТНЫХ РАССКАЗА

I
ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Жил-был поэт. У него были парусиновые туфли и химический карандаш.

Больше у поэта ничего не было.

Поэт говорил:

— Я скоро напишу для человечества новые, прекрасные строчки... Я выйду на улицу! Я брошу людям свои слова! Зажигающие, зовущие, призывающие...

И — долгожданное свершилось!

Поэт, наконец, вышел на улицу!

И слова ей бросил. Зовущие, призывающие:

— Помогите, граждане, бывшему поэту!

II
ПОЧЕТНЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Со всех столов на него смотрели.

К нему подбежали расторопные официанты.

Один поддержал его под локоть. Другой — стремительно поднял упавшую шапку.

Так подвели они его к дверям. Кто-то уже широко распахнул их настежь.

И он, не торопясь, вышел.

Кто ж это был, дорогой читатель? Кого так почетно провожали ресторанщики? Нэпмана-ли кутящего или, быть может, какого солидного растратчика?

Не догадаешься, читатель!

Это был просто — самый обыкновенный нищий.

А. Н—тов

Рис. Б. Антоновского

БЕССТРАШНЫЙ ГРАЖДАНИН

— Эх, и задам же я сейчас пару моему начальнику!

В ОЧЕРЕДИ

— Вот мороз, поди... сорок градусов, а одеться не во что!

— На всех, тетка, не угодишь: вон, гляди, земляк при „40 градусах" даже пиджак с себя снял!

СПОРТСМЕНКА

— Вы, Софья Марковна, на чем больше любите кататься: на лыжах или на коньках?

— Я? На такси!

ЗАПАСЛИВЫЕ ЛЮДИШКИ

— Отчего наш счетовод так долго моет руки?

— А ему кто-то сказал, что три дня воды не будет!

ГОРДОСТЬ

— Тов. начальник! Это вы здесь расписались—„А Иванов"?

— Что вы, помилуйте! У меня подпись неразборчива!

ШКОЛА И ЖИЗНЬ

— Сергеев! Какая причина вызвала великое переселение народов?

— Полагаю,— квартирный кризис!

В МОСКВОШВЕЕ

— Чудак какой-то: приходит прямо с улицы и просит показать ему брюки!..

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Журнал „На литературном посту" вывел „на свежую воду" поэта Осипа Колычева, умудрившегося сварганить стихи о казни Сакко и Ванцетти для „Печатника", „Медработника", „Пролетария связи" и „Голоса кожевника".

В „Голосе Кожевника" стихи О. Колычева звучали так:

Но если мало человечьих горл,
О радости звенящих в человеке... и т. д.

А в „Медработнике"— этак:

И кроме гордых человечьих горл,
О мести голосивших в человеке и т. д.

Плохо, О. Колычев, приспособляете! Для „Медработника" можно было бы изговить стишки помедработнистее,— например:

С болезнью гордых человечьих горл.—
В лечебницы спешите, человеки!..

*

Своеобразно описывает море поэт Я. Шведов („Комсомольская Правда", № 265):

Там прибои,
Здесь отбои,
Ветер веет в груди нам...
Эх, ты, море голубое,
Синяя посудина.

Синяя (а равно и голубая) посудина распадается, как известно, на дневную и ночную.

С какой же именно посудиной сравнил море поэт Я. Шведов?

Но если с ночной посудиной сравнивают море поэты, с чем же тогда будут сравнивать море — прозаики?

*

В последней, 11-й, книжке журнала „Новый Мир" помещен рассказ И. Соколова-Микитова со следующим эпиграфом:

Казав мини батько:
— В море не ходи,
Сиди, сыну, дома,
Хозяйство гляди...

Эпиграф прерывается „на самом интересном месте", а между тем, как нам сообщают из достоверных источников, конец приведенной народной песенки таков:

— Сиди дома, сыну,
Не хмурься, не плачь:
Развеет кручину
Веселый „Смехач"!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Бюрократические логарифмы

Не всякий язык до Киева доведет. Иной язык может довести до сумасшедшего дома, например, язык Уралоблфо.

Приводим дословно:

УРАЛОБЛФО
НАЛОГОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ
23/9—27 года
№ 3555/23
СВЕРДЛОВСКОМУ ОКРФИНОТДЕЛУ
на вход. (№ 136) 5798

Налоговое Управление УБЛФО сообщает, отношения НКФ РСФСР от 8/11 сего года за № 4315/1978 о неполучении отношения Свердловского ОКРФО за № 3311/126 по вопросу Свердловского ОКРФО от 11/8 с. г. за № 1309/175 об исполнении отношения его от 4/5 с. г. за № 3311/126.

Налоговое Управление НКФ РСФСР сообщает, что означенное отношение № 3311/126 им получено не было.

„Смехач“ предлагает любую премию тому читателю, который, прочтя это литературное произведение, сможет изложить его своими словами. Думаем, что эта задача не под силу даже знаменитому арифмогению АРРАГО, производящему в уме самые сложные логарифмические вычисления по извлечению корней из многозначных чисел.

В данном случае, конечно, требуется не корни извлекать, а вырвать с корнем бюрократические извращения, яркой иллюстрацией которых является приведенный выше документ.

Карманщики

Некоей свердловской гражданкой получена следующая служебная записка свердловского Промкомбината за № 92:

Гражданка Александра Яковлева.

Предлагается вам освободить занимаемую вами в данное время квартиру и переселиться к чорту на кулички на кожзавод № 2.

Ежели не переселитесь, то мы вас в административном порядке с квартирочки шкваркнем!

Милиция завсегда в нашем кармане и завсегда к нашим услугам.

Если мы не ошибаемся, никаких распоряжений о создании „карманной“ милиции не было. Во всяком случае, не мешало бы заглянуть в карман автора записки!

ЖИЗНЬ ГРЫЗУНОВ НАУКИ

Рис. Н. Радлова.

Вы не подумайте, читатель, что это трамвай. Это—студенческое общежитие. Отличается от трамвая только тем, что здесь нет выхода.

Досуги инвалида

Идиллическое об'явление напечатано в „Известиях“ ЦИК'а:

Бывший бухгалтер Дмитрий Петрович Морозов об'являет друзьям и знакомым, что он признан инвалидом, состоит на пенсии, проживает в городе Серпухове, Кладбищенский переулок, № 3 и просит их сообщить свои адреса.

Не собирается ли Дмитрий Петрович на радостях, что он „признан инвалидом“, устроить пирушку для друзей и знакомых“.

За ваше здоровье, Дмитрий Петрович! С инвалидом-с вас!

Шп... шп... шп...

Оказывается, что „все рабочие любят читать Люленкова“, по крайней мере, так утверждает критик газеты „Диктатура Труда“ и в доказательство приводит образчик Люленковского творчества.

„Из-за горизонта черной дали миллионно-шипящей лавиной катились дождевые капли.
— Шп... Шп... Шп...
Зашлепали там и сям об степь (!) тяжелые капли и т. д.

Если бы капли шлепали не об степь, а пошлепали бы немного „об критика“, то все читатели сказали бы этим каплям спасибо.

Столько капель „миллионно шлепающих“ в этом рассказе но — увы — ни одной капли смысла.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Гор. Серпухов.— Картузину.

„Прошу поместить в вашем журнале мой рассказ, а если нет, то напишите, чего мне не хватает?“

— Пороху!

Гор. Балта.— Ефименко.

„Посылаю для „Смехача“ кое-какие безделки, может быть заткнете ими страницу“.

— Хотя присланные вами безделки—сплошная вата, но ими не только что страницы, даже ушей не заткнешь!

Гор. Новоукраинка.— Анатолию Фролову.

„Тиха была ночь...
Звезды мерцали...
И озаренная луною,
Вы ждали жениха!“

— А вам какое дело, Анатолий? Что вы в чно суете всюду свой нос? И в „Смехач“ тоже.—Отойдите!

Гор Тифлис.— Леоновичу.

„Внезапно у меня явилась мысль в стихотворной форме выразить презрение ко всем членам царской фамилии“

— Нас интересует, презираете ли вы их только в стихотворной форме, или в прозаической также?

Издатель—«ГУДОК». Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № А—2319. Отп. в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Рис. К. Ротова

Перед свадьбой он говорил ей так:

— Милая! Новая жизнь развернется перед тобой, я поведу тебя по аллее пламенных роз, в пышный сад нашего счастья!

...И он повел ее по аллее пламенных роз, в пышный сад счастья...

